

«ОН РУССКОЮ КРОВЬЮ ОМЫТ...»

«Мир очень хорошо и благодарно услышал бы голоса поэтов, если б они вместе с музыкантами попробовали создать песни, — новые, которых не имеет мир, но которые он должен иметь»,
М. ГОРЬКИЙ

НАШ маленький рейсовый теплоходик входил в Севастопольскую бухту. Пассажиры — в основном курортники, народ беспечный и веселый — высыпали на верхнюю палубу. Мы перекидывались шутками, записывали адреса, договаривались о встречах. И вдруг воздух разрезала песня:

*Холодные волны вздымает лавиной
Широкое Черное море...*

С пристани ли неслась она или с корабля, отдохавшего на рейде?.. А быть может, с Сапун-горы, где вот уже двадцать третий год как суровое напоминание стоят орудия, свидетели и участники военных битв. В ней, в песне этой, было все: боль и страдание прошлого, радость победы и тепло этого мирного вечера...

...Шла вторая неделя войны, когда в Севастополь приехал Александр Жаров. Еще не начались двести пятьдесят трагических дней города. Враг не стоял еще у его бастионов.

Поэт ходил по тревожным улицам, всматривался в лица людей и заново знакомился с Севастополем. Впервые он встретился с ним в 1922 году звонким комсомольским запевалой. И полюбил на всю жизнь.

*Мне дорог скалогрудный город,
герой недавних оборон,*

— писал тогда Александр Алексеевич.

А теперь другой, военный Севастополь был перед ним. И стихи поэта стали другими. Напечатанные в матросских многотиражках, заученные наизусть, они уже сражались в рядах отважных. Но он мечтал о песне. Той, что в тяжелый час предвещала бы победу.

В эти дни судьба столкнула его с композитором Борисом Мокроусовым, тоже начинавшим войну в Крыму. Оказалось, что и Борис Андреевич мечтает о песне мужества и надежды.

«Была очередная бомбежка, — вспоминает Александр Алексеевич. — Под грохот и вой снарядов, в укрытии скалы мы думали, какой будет наша песня.

— Знаешь, — говорил Борис, — она должна быть очень русская, очень широкая, могучая. Черное море поможет нам...

Когда прозвучал отбой, мы пошли в Дом офицеров. Борис сел за рояль, взял первые аккорды. И сразу всплыли начальные строки:

*Холодные волны вздымает лавиной
Широкое Черное море...*

А дальше песня не шла. И море, наше Черное море, не помогло нам

в те минуты. Мы знали все: идею, настроение нашей песни. Даже то, что она будет балладой. Но не знали, каков конкретное содержание войдет в нее. Я ждал какого-то откровения от Бориса, он — от меня, а дело не двигалось. Но мы надеялись, что сама жизнь подскажет нам сюжет».

Это случилось через два года.

Александр Алексеевич Жаров воевал на Северном флоте. Как-то, вернувшись из боевого похода, он прочел во флотской газете легенду. Одну из тех, что родились в дни героической обороны Севастополя. Да и легенда ли была это?

...Советские войска оставляли Севастополь. На катерах уходили черноморцы в открытое море. И моряк, что последним покидал Херсонесский мыс, взял с собой горсть святой крымской земли. И поклялся вернуть ее только на свободный берег...

Легенда эта, передаваясь из уст в уста, обрастала десятками новых вариантов. В ином — горсть земли заменял кусочек гранита с севастопольского утеса. В другом — герой, смертельно раненный в бою, передавал талисман Родины товарищу и наказывал выполнить клятву.

Сюжет для песни был найден.

В том же 1943-м Александр Жаров приехал в Москву и встретился с Борисом Мокроусовым, который уже знал эти легенды. Сразу сложились и музыка, и текст. «Заветный камень» был написан «залпом»:

*Холодные волны вздымает лавиной
Широкое Черное море.
Последний матрос*

*Севастополь покинул,
Уходит он, с волнами споря...
И грозный соленый бушующий вал
О шлюпку волну за волной*

разбивал...

В туманной дали

Не видно земли.

Ушли далеко корабли.

*Друзья-моряки подобрали героя,
Кипела вода штормовая...*

*Он камень сжимал опусившей
рукою*

И тихо сказал, умирая:

— Когда покидал я

родимый утес,

С собою кусочек гранита унес—

Затем, чтоб вдали

От крымской земли

О ней мы забыть не могли.

Кто камень возьмет, тот пускай

поклонится,

Что с честью нести его будет.

Он первым в любимую бухту

вернется

И клятвы своей не забудет.

Тот камень заветный

и ночью и днем

*Матросское сердце сжигает огнем...
Пусть свято хранит
Мой камень-гранит —
Он русскою кровью омыт,
Сквозь бури и штормы пройдет
этот камень*

*И станет на место достойно...
Знакомая чайка помажет крылами,
И сердце забьется спокойно.
Взойдет на утес*

*черноморский матрос —
Кто Родине новую славу принес.
И в мирной дали
Пойдут корабли
Под солнцем родимой земли.*

В грозном сорок третьем были написаны эти строки. Враг еще хозяйничал в Севастополе. Все, о чем говорилось в последних куплетах, было впереди. И песня звала, приближала победу.

«Заветный камень» был напечатан в «Красной звезде». Одним из первых его исполнителей стал Леонид Утесов, ныне народный артист СССР.

Песня пошла в народ, в Советскую Армию и на флот, которые сразу приняли ее на вооружение.

9 мая 1944 года Севастополь был освобожден. С первыми частями в город вступил Александр Жаров. Вечером того же дня он шел обутыми улицами к Графской пристани.

*Все было в городе мертво —
Дома, и улицы, и пристань...*

Развалины над грудой груд.

*А между ними, словно чудо,
Цвела спасенная сирень...*

Где-то рядом звучала песня. Знакомая мелодия «Заветного камня». Он подошел ближе и увидел на площади отдохавших после боя матросов и солдат. Они пели его песню.

«Друзья представили меня этому огромному собранию как автора, — рассказывает А. Жаров. — И я сразу услышал... упреки. «Товарищ поэт, — говорили мне бойцы, — ваша песня отстает от жизни. Мы уже вернулись в Севастополь».

Сами герои моей песни заставили меня тут же, на площади, переделать ее. Возбравшись на возвышение, я прочитал новую редакцию последних строчек.

Теперь они звучали так:

*Сквозь бури и штормы прошел
этот камень,
И стал он на место достойно...*

Знакомая чайка взмахнула

крылами,

И сердце забилося спокойно.

Взошел на утес черноморский

матрос,—

Кто Родине новую славу принес.

И в мирной дали

Идут корабли

Под солнцем родимой земли.

Тема города-героя Севастополя не оставляет поэта и поныне. «Виденья грозных лет» вдохновляют его на новые стихи. Но в ряду этих мужественных строк «Заветный камень» остается одной из лучших песен Александра Жарова.

Маргарита ЛОМУНОВА